

Князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

Въ «Русскомъ Архивѣ», 1876 года, въ 11-й тетради, помѣщены «Воспоминанія Михаила Павловича Щербинина». Честный служебный труженикъ, съ свойственнымъ ему высокимъ благородствомъ, высказываетъ свою преданность и признательность покойному князю М. С. Воронцову, вслѣдствіе чего эти «Воспоминанія» содержатъ въ себѣ описаніе почти исключительно однихъ частныхъ отношеній автора къ князю Михаилу Семеновичу. Но кн. Воронцовъ, подобно своему достославному родителю, всю жизнь посвятилъ на доблестное, плодотворное служеніе Отечеству. Поэтому не слѣдуетъ разсматривать эту личность въ однихъ частныхъ отношеніяхъ, и я постараюсь сказать о немъ нѣсколько словъ какъ объ историческомъ, государственномъ дѣятелѣ.

Предъ княземъ Воронцовымъ стоялъ величественный примѣръ отца его, графа Семена Романовича, который еще въ юношествѣ, будучи субалтернъ-офицеромъ Преображенскаго полка, пострадалъ за вѣрность императору Петру III-му. Такъ точно и князь Михаилъ Семеновичъ всецѣло подчинялъ свои личныя чувства непоколебимому принципу монархическому.

До назначенія его намѣстникомъ и главнокомандующимъ на Кавказъ, я зналъ его столько же, сколько и всѣ слышанные съ наилучшей стороны объ этой популярной личности; но съ 1845-го года, служа при немъ, я могъ вполне изучать его, какъ государственнаго дѣятеля и патріота.

Принимая назначеніе на Кавказъ, князь Воронцовъ сдѣлалъ самопожертвованіе, выше котораго человѣкъ не можетъ совершить. Оставляя въ сторонѣ его привязанность къ Южному берегу Крыма, имъ однимъ превращенному изъ дикой дѣвственной въ роскошно-развитый край, и даже помимо старческой привязанности ко всему Новороссійскому генераль-губернаторству, которому онъ столь долгое время посвящалъ всѣ свои труды, административныя, экономическія и созидательныя способности, помимо всего этого, нужно принять въ соображеніе, что хотя князю Михаилу Семеновичу и было извѣстно тогдашнее бѣдственное положеніе военныхъ дѣлъ на Кавказѣ (гдѣ непріятель отбивалъ наши пушки и составлялъ изъ нихъ свою артиллерию, то и дѣло забирая въ Дагестанѣ наши крѣпости и укрѣпленія); но преданный Отечеству и давно вписавшій свое имя въ его дѣтописи, онъ не поколебался пожертвовать собою и покорился избранію Монарха. Онъ принялъ начальство надъ Кавказомъ, не зная

вполнѣ особенностей этого края и предъ самымъ выступленіемъ въ походъ, который не имѣ былъ предначертанъ, да и войска были собраны еще до его прибытія.

По отъѣздѣ съ Кавказа военного министра князя Чернышова съ подручникомъ его Позеномъ, послѣ ихъ пресловутой ревизіи, я былъ посланъ корпуснымъ командиромъ изъ Тифлиса на Черноморскую береговую линію и, проѣздомъ черезъ Ставрополь, явился къ Павлу Христофоровичу Граббе. Отъ него я узналъ, что онъ рѣшительно оставляетъ свой постъ на Кавказской линіи. Я выразилъ сожалѣніе о такой уtratѣ для края, гдѣ онъ предводительствовалъ незабвенными военными подвигами, подобными взятію Ахульго. На это Павелъ Христофоровичъ возразилъ мнѣ: «Мнѣ самому невыразимо грустно покидать край, къ которому я пристрастился; но нечего дѣлать. И прежде трудно было здѣсь начальствовать, когда напримѣръ отказывали учредить почтовую гоньбу на Кабардинской плоскости по гористому мѣстоположенію». Тутъ Павелъ Христофоровичъ вынулъ изъ стола бумагу отъ министра внутреннихъ дѣлъ съ подчеркнутымъ вышеприведеннымъ отказомъ и продолжалъ: «А теперь, когда Чернышова провезли въ каретѣ на почтовыхъ лошадяхъ по большимъ дорогамъ, невозможно оставаться начальникомъ на Кавказѣ: онъ непременно станетъ настаивать на всѣхъ своихъ фантазіяхъ, упираясь на то, что хорошо знаетъ край, самъ лично его обозрѣлъ, и это непосредственное вмѣшательство все перепутаетъ и приведетъ къ бѣдствіямъ».

Къ несчастію, это пророчество сбылось несравненно больше, чѣмъ даже можно было предполагать. Всюду въ войскахъ и въ самомъ Тифлисѣ расплодился личности, игравшія роль, подобную той, какую играли во время первой Французской революціи представители командировки—*représentants en mission*.

До какой степени князь Воронцовъ почерпнулъ въ Петербургѣ превратныя понятія о настроеніи Кавказскихъ горцевъ, доказывается тѣмъ, что онъ вызвалъ изъ Крыма образованнаго и почтеннаго кадія, съ цѣлью доказать Чеченцамъ всю несообразность истиннаго Магометанскаго исповѣданія сравнительно съ лжетолкованіемъ мюридизма Шамиля; но эта мѣра ни къ чему не повела, такъ какъ въ сущности мюридизмъ служилъ только средствомъ Шамилю создать себѣ царство въ горахъ.

Даргинскій походъ былъ во всѣхъ подробностяхъ начертанъ въ Петербургѣ; войска, назначенныя въ немъ участвовать, прибывшія большею частію изъ Россіи и не имѣвшія понятія о Кавказской войнѣ, тоже были опредѣлены изъ Петербурга; огромное число присланныхъ въ тотъ же отрядъ генераловъ составляло большею частію лишь бремя для войскъ. Одни только генералы Лабенцовъ и Козловскій выручили отрядъ, который, не смотря на подвиги этихъ двухъ старыхъ Кавказцевъ, неминуемо весь бы погибъ въ Ичкиринскихъ дебряхъ, если бы не главнокомандующій, Краонскій историческій герой, князь М. С. Воронцовъ, самъ неоднократно подвергавшійся опасности. Такъ напримѣръ, однажды, прислонясь къ вѣковому чина-

ру, онъ обнажилъ саблю и, отдѣленный отъ своей свиты бѣжавшимъ къ колоннѣ батальономъ (изъ числа войскъ, прибывшихъ изъ Россіи), готовъ былъ вступить въ рукопашную съ нѣсколькими горцами, прорвавшимися чрезъ боковыя стрѣлковыя цѣпи, гдѣ они разбивали व्यюки отряда, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ князя. Другой разъ, князь Воронцовъ, сидя на буркѣ у дерева, вздремнулъ. Въ это время прибылъ изъ авангарда начальникъ главнаго штаба, генераль Гурко и обратился къ главнокомандующему со словами: «La position est imprégnable, la troupe n'avance pas, il faut payer de sa personne ¹⁾». Князь тотчасъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ къ авангарду, гдѣ, посреди вѣковаго чинароваго лѣса, по бездонной топи, текъ ручей, черезъ который перекинутъ былъ мостъ; за нимъ стоялъ огромный двухъ-ирусный завалъ, защищаемый мюридами, которые пѣли свои предсмертныя молитвы. У мостика князь сѣлъ съ лошади, обнажилъ саблю и, обратясь къ нѣсколькимъ человѣкамъ геройскаго Кабардинскаго егерскаго полка, стоявшимъ близъ него, сказалъ: «Ребята, говорятъ завалъ крѣпокъ; пойдѣмте, возьмемъ его!» Восемнадцать эгерей мгновенно вскочили на мостъ, прикрывая главнокомандующаго своими тѣлами и, не смотря на густой градъ пуль, тотчасъ взяли завалъ. Князь Воронцовъ заказалъ портреты этихъ героевъ и помѣстилъ ихъ въ свой богатый Кавказскій портфель.

Наконецъ Богъ помогъ опытному и неустрашимому главнокомандующему вывести отрядъ изъ Ичкиринскихъ тущобъ, въ наше укрѣпленіе «Герзелъ-ауль». Князь Воронцовъ немедленно озаботился успокоить раненыхъ и каждому изъ нихъ роздалъ черезъ своихъ адъютантовъ по 15-ти рублей собственныхъ денегъ.

Во всѣхъ приказахъ по войскамъ, во время этого несчастнаго Даргинскаго похода, главнокомандующій постоянно восхваляетъ войска за исполненіе ими священнои высочайшей воли и тѣмъ самымъ свидѣтельствуетъ, что этотъ походъ былъ исполненіемъ программы, составленной въ Петербургѣ, безъ участія его, князя Воронцова.

По возвращеніи въ Тифлисъ, князю Михаилу Семеновичу предстояло ознакомиться со всей пучиной распущенія и неурядицы, которыя царствовали въ краѣ, порученномъ его управленію; но подкрѣпленный энергіею и опытомъ долголѣтняго административнаго начальствованія и обладая природными необыкновенными дарованіями и всегдашней готовностію къ безграничному самоотверженію на пользу Отечества, маститый, доблестный старецъ твердо приступилъ къ борьбѣ съ мерзостію, вкравшеюся во всѣ отрасли мѣстнаго управленія порученной ему страны.

Военный перевѣсъ всюду оказывался въ пользу Горцевъ, не смотря на истинно Русскій духъ нашихъ Кавказскихъ войскъ; многіе, начальствовавшіе надъ ними, обращали свое положеніе и предоставленную имъ власть въ средства наглаго личнаго обогащенія, не обращая никакого вниманія ни на нравственность, ни на пищу, ни на лѣченіе солдатъ. Напримѣръ, при войскахъ сѣвернаго Дагестана

¹⁾ Позиція неуриступна, войска не идутъ, приходится самимъ погибать.

былъ законтрактowanъ маркитантъ, обязанный, не смотря на малочисленность отряжаемыхъ изъ штабъ-квартиры войскъ, имѣть при нихъ маркитантскіе предметы. Повидимому, это была мѣра заботливости; но тутъ добавлялось, чтобы всюду, гдѣ будетъ открыта маркитантская торговля, закрывались постороннія лавки. Поэтому, коль скоро въ какой-либо деревнѣ края развивалась выгодная торговля, начальство немедленно посылало туда нѣсколько солдатъ, подѣ благовиднымъ предлогомъ военныхъ соображеній; съ солдатами отправлялся и прикащикъ маркитанта, который закрывалъ мѣстныя лавки, солдатамъ всѣ предметы доставлялъ по таксѣ, а жителямъ и постороннимъ продавалъ все, и преимущественно водку, въ тридорога. Этою безобразною монополіею обогащался какъ маркитантъ, такъ равно и его покровитель.

У князя Воронцова было правило: при всякомъ открывшемся злоупотребленіи доискиваться до пробѣла въ постановленіи, давшемъ средство его совершить. Такъ онъ усмотрѣлъ, что торговля водкою лежала въ основаніи сказаннаго маркитантскаго контракта; поэтому онъ и учредилъ въ Кавказскомъ корпусѣ винный откупъ для доставленія войскамъ хлѣбнаго вина, столь полезнаго Русскому солдату въ походѣ и не производимаго въ краѣ, гдѣ гонится только фруктовая водка, признанная нездоровою для нашихъ солдатъ.

Войска, прибывавшія изъ Россіи, оказались истиннымъ бѣдствіемъ для Кавказа; побѣги къ Горцамъ были постоянныя, и Шамиль составилъ себѣ изъ этихъ дезертировъ цѣлую команду личныхъ телохранителей и прислугу къ своей полевой артиллеріи; но самою отвратительною чертою въ прибывавшихъ войскахъ была тайная передача неприятелю нашего пороха и боевыхъ припасовъ. Въ Дарго князь самъ лично удостовѣрился, что найденныя тамъ гранаты и патроны были Русскаго заготовленія.

Для вызова нашихъ дезертировъ князь Михаилъ Семеновичъ исходатайствовалъ разрѣшеніе освобождать отъ суда и наказанія возвращающихся и опредѣлять ихъ вновь на службу въ частяхъ, отдаленныхъ отъ границъ. Эта мѣра оказалась дѣйствительною, и какъ скоро дезертиры узнали о ней чрезъ лазутчиковъ, они во множествѣ стали являться на пограничныя посты. Однихъ Поляковъ мало выходило изъ горъ.

Противъ торговли порохомъ возбуждены были многочисленныя строгія слѣдствія: начальники, на обязанности которыхъ лежало храненіе боевыхъ припасовъ, встрепечулись, и этотъ позорный, измѣнническій торгъ въ самое короткое время былъ совершенно прекращенъ.

Всюду, внутри края, самыя большія дороги были до того времени въ опасности отъ хищниковъ: не только людей брали въ плѣнъ и убивали, но не было пощады и денежной почтѣ. Злоупотребленія, лихоимства и грабежи по внутреннему управленію страны превосходили всякое вѣроятіе. Самоуправство и дерзкое обращеніе полиціи возбуждали сильнѣйшій ропотъ и негодованіе во всѣхъ слояхъ населенія, до того, что полковникъ Гродненскаго гусарскаго полка

Даніиль-бекъ Мехтулинскій, бывшій однимъ изъ преданнѣйшихъ Русскому правительству туземцевъ, покинулъ свое хорошее имѣніе, получаемое имъ содержаніе и по мѣстности высокое положеніе и бѣжалъ къ Шамилю.

Эта неурядица гражданскаго управленія представляла наибольшія затрудненія. Безъ сомнѣнія легко было вызвать изъ Россіи лучшихъ дѣятелей, которые поспѣшили бы явиться на приглашеніе пользовавшагося славой князя Воронцова; но вся опытность, все знаніе такихъ пріѣзжихъ дѣятелей оказались бы безплодны, пока они годами не ознакомились бы съ особенностями страны. Трудность эта еще значительно умножалась бы незнаніемъ туземныхъ языковъ.

Начальникомъ гражданскаго управленія въ Закавказьѣ былъ генералъ-лейтенантъ Л., наперсникъ извѣстнаго П-а, подарившаго будто бы ему имѣніе въ Ставропольской губерніи. Это былъ хитрый интриганъ, всю службу проходившій въ военномъ вѣдомствѣ и въ военномъ министерствѣ, имѣвшій прежде близкія, интимныя связи въ Грузіи, гдѣ онъ началъ службу. Онъ былъ явный недоброжелатель князя Михаила Семеновича Воронцова. Какъ агентъ военнаго министра Чернышова и П-на, онъ составилъ себѣ значительный кружокъ, посреди котораго постоянно отзывался о самомъ намѣстникѣ безусловно, но за то безпощадно порицалъ какъ его окружающихъ, такъ и ихъ дѣятельность; въ сущности же безпощадно осуждалъ управленіе князя Воронцова.

Таково было положеніе управленія краемъ, гдѣ всѣ слои населенія были несносно угнетаемы мѣстными властями. Хлѣбопашество, промышленность и торговля все болѣе и болѣе падали; вездѣ преобладало наглое лихоимство, обогащавшее частныхъ лицъ самымъ протпвузаконнымъ образомъ. Множество солдатъ, вмѣсто своихъ полковъ, проживали въ Тифлисѣ подъ предлогомъ изученія разныхъ ремеселъ, въ дѣйствительности же шли въ услуженіе къ иностранцамъ, содержавшимъ магазины. Такъ напримѣръ, красавецъ фланговый гренадеръ находился въ уборной дамскаго парикмахера. Въ Кисловодскѣ князь Воронцовъ встрѣтилъ солдатъ изъ Закавказья и узналъ отъ нихъ, что они находятся при семействѣ своего дивизіоннаго начальника, вслѣдствіе чего князь Михайлъ Семеновичъ приказалъ мѣстному коменданту доставить ему свѣдѣніе, сколько нижнихъ чиновъ прибыло изъ Грузіи въ услуженіе къ этому дивизіонному начальнику. Оказалось болѣе 60-ти человекъ!

Ко всѣмъ этимъ наглымъ безпорядкамъ должно присовокупить затруднительное обстоятельство: примѣнять къ краю издаваемые въ Петербургѣ узаконенія и постановленія, часто вовсе несоотвѣтствующія особенностямъ края, характеру и обычаямъ народовъ, его населяющихъ. Это затрудненіе еще болѣе умножалось тѣмъ, что прежнія правила управленія были всѣ отмѣнены преобразованиемъ, которому присвоилось имя барона Гана; а къ прибытію князя ото всего этого преобразованія оставались одни вывѣски, указывающія мѣ-

стонахожденіе разныхъ присутствій или управленій. Впрочемъ это обстоятельство нисколько не затрудняло князя Михаила Семеновича, который, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, не рожденъ былъ мудрымъ и гениальнымъ организаторомъ, а сдѣлался таковымъ (какъ онъ это доказалъ многими опытами), благодаря силѣ своей воли, усидчивому изученію и настойчивости, съ которыми онъ обдумывалъ способы, какъ бы развить въ управляемыхъ имъ странахъ процвѣтаніе и благоденствіе. Слѣдствіемъ такого постоянно-напряженного умственного труда были быстрые и мудрые рѣшенія князя на всѣ многосложныя административныя задачи, безпрестанно ему встрѣчавшіяся. Всегда занятый соображеніями о средствахъ преуспѣнія и счастья страны имъ управляемой, онъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не придавалъ значенія мелочамъ, изъ-за-то сообщало его управленію очаровательную простоту, чуждую наималѣйшей натяжки и дѣлало его непримѣрно-доступнымъ для всякаго.

Разъ случилось мнѣ обѣдать у князя вмѣстѣ съ полковникомъ Копьевымъ. Послѣ обѣда князь позвалъ меня въ кабинетъ и, передавъ мнѣ записку о безпорядкахъ въ полку, которымъ командовалъ Копьевъ, приказалъ ѣхать въ этотъ полкъ для производства слѣдствія. Я изъяснилъ удивленіе тому вниманію, которое князь оказывалъ Копьеву за обѣдомъ. На это князь отвѣчалъ мнѣ: «Копьевъ еще не обличенъ; очень можетъ быть, что все это вздоръ. Поэтому я его и принимаю; а съ своимъ гостемъ я обязанъ быть точно также внимателенъ, какъ взыскателенъ по службѣ съ провинившимся подчиненнымъ».

Всюду, гдѣ только представлялась возможность, князь Воронцовъ придавалъ самую широкую гласность всякому своему распоряженію. Вотъ примѣръ тому.

По возвращеніи въ Тифлисъ, осенью, послѣ Дарго, онъ призвалъ меня и передалъ о первомъ замѣчаніи въ письмѣ только что полученномъ отъ Государя, гдѣ между прочимъ было сказано, что очень обманываютъ его, Государя и князя: затѣмъ Государь намекалъ на грабежи, происходящіе въ управленіи госпиталями Черноморской береговой линіи. По этому поводу князь поручилъ мнѣ произвести строгое слѣдствіе по госпиталямъ Таманскому (для хроническихъ болѣзней, на 1200 коекъ), Анапскому и Новороссійскому, при чемъ приказалъ всмотрѣться и въ прочія злоупотребленія, которыя могли вкрасться по береговой линіи; а по госпиталямъ производить внезапные осмотры, обращая особенное вниманіе на то, достаточно ли пользуют, продовольствуютъ и успокоиваютъ больныхъ нижнихъ чиновъ. Кромѣ того, князь Михаилъ Семеновичъ приказалъ мнѣ въ Таманскомъ госпиталѣ сдѣлать опыты введенія топлива вмѣсто дровъ каменнымъ углемъ, при чемъ объяснилъ мнѣ, какъ нужно это дѣлать не перекладывая печи. Способъ былъ такъ ясенъ, что я выразилъ удивленіе, на сколько князь опытенъ въ этомъ дѣлѣ; на это онъ мнѣ сказалъ, что когда въ Одессѣ дрова непомѣрно вздорожали, онъ задумалъ въ казенныхъ зданіяхъ замѣнить ихъ каменнымъ углемъ и

для этого у себя въ домѣ дѣлалъ опыты, за которыми самъ слѣдилъ *).

Всѣ госпитали на пути моемъ оказались въ отвратительномъ состояніи; въ нихъ все велось, какъ говорится: «черезъ пень колоду валпли». Въ одномъ только Ставропольскомъ госпиталѣ я нашелъ порядокъ; но за то самое зданіе было такъ сыро, что стѣны мокли. На береговой линіи госпитали стояли баснословныхъ суммъ. Напримѣръ, по заключенному контракту, подрядчикъ обязанъ былъ поставить огромное количество дровъ, слишкомъ по девяносто рублей сер. за кубическую сажень, между тѣмъ въ Тамани вмѣсто дровъ жгли камышъ, такъ что количество его, замѣняющее сажень дровъ, обходилось въ пятнадцать рублей. Въ Анапѣ госпитальная контора покупала дрова въ базарные дни у сосѣднихъ Горцевъ, не допуская обывателей покупать у нихъ до тѣхъ поръ, пока не закупится нужное количество для госпиталя, и здѣсь сажень дровъ обходилась около десяти рублей. Въ Новороссійскѣ больница отапливалась собственными средствами.

Въ Тамань я выписалъ каменный уголь изъ Керчи, лежащей на противоположномъ берегу пролива, гдѣ уголь этотъ находился въ изобиліи; по наставленію князя, я сдѣлалъ опытъ отопленія одной палаты этимъ ископаемымъ веществомъ. Удача была полная; стоимость количества угля, замѣниваемаго сажень дровъ, обошлась менѣе десяти рублей.

Тамашніе жители, промышлявшіе прежде перевозомъ между Таманью и Керчью, подали мнѣ прошеніе на имя намѣстника и въ этомъ прошеніи поясняли, что они совершенно разорены штабомъ береговой линіи, находящимся въ Керчи и имѣющимъ казенный баркасъ съ двѣнадцатью гребцами, при одномъ унтеръ-офицерѣ, взятыми изъ подчиненныхъ линейныхъ батальоновъ, какъ бы для почтовыхъ сообщеній; на самомъ же дѣлѣ этотъ баркасъ овладѣлъ всею перевозочною торговлею. Вслѣдствіе этого оказалось, что туземцы, кормившіеся прежде отъ этого перевоза, теперь не могли совмѣстничать съ людьми, состоящими на всемъ казенномъ содержаніи.

По возвращеніи въ Тифлисъ, я явился къ князю Воронцову и вкратчѣ передалъ ему все найденное мною, при чемъ прибавилъ, что въ контрактѣ поставщика госпиталей береговой линіи сказано, что главный начальникъ имѣетъ право, по своему усмотрѣнію, отмѣнять нѣкоторыя статьи этого условія; а потому нужно не медля воспользоваться этимъ правомъ, отмѣнить поставку дровъ и ввести въ Тамани отопленіе каменнымъ углемъ. Изъ Анапы я привезъ прошеніе объ отдачѣ поставки дровъ на выгодныхъ условіяхъ. Новороссійску же можно было, по моему мнѣнію, предоставить отапливаться мѣстными средствами. Князь Воронцовъ приказалъ мнѣ поспѣшить докладомъ моего донесенія и назначилъ для этого часъ слѣдующаго утра.

х*) Еще въ концѣ прошлаго вѣка графъ С. Р. Воронцовъ писалъ изъ Лондона заботливыя письма въ Россію о томъ, что у насъ истребляются нещадно лѣса, тогда какъ каменнаго угля имѣется великое изобиліе. П. Б.

Когда я явился на другой день, то узналъ, что въ кабинетѣ у князя сидитъ прибывшій по высочайшему повелѣнію въ Тифлисъ главноуправляющій путей сообщенія. Въ назначенный часъ я вошелъ въ кабинетъ; князь Воронцовъ спросилъ меня, принесъ ли я свое донесеніе и, узнавши, что оно готово, приказалъ докладываться, но извинился передъ гостемъ, говоря, что дѣло хотя и небольшое, но требующее спѣшнаго распоряженія. Я сталъ читать донесеніе, подкрѣпляя самыя невѣроятныя мѣста его указаніемъ на акты, находившіеся въ приложенномъ дѣлѣ.

Вслѣдствіе моего доклада, на Черноморскую береговую линію были посланы, для подробнаго и спеціальнаго осмотра войскъ, тамъ находящихся, самый опытный въ службѣ и въ войсковомъ хозяйствѣ генералъ Карлъ Карловичъ фонъ-Врангель (прославившійся въ 1853 году взятіемъ Баязета).

Въ военномъ отношеніи дѣла очень скоро приняли видимо-лучшее направленіе, во первыхъ потому, что походы предпринимались по соображенію самого главнокомандующаго, а не по проектамъ, составленнымъ въ Петербургскихъ канцеляріяхъ; во вторыхъ, вслѣдствіе выѣзда изъ края генерала Гурко, прекраснаго и безупречнаго чловека, но отнюдь не въ должности начальника главнаго штаба дѣйствующихъ войскъ.

Когда изъ Петербурга доставили князю Воронцову списокъ кандидатовъ на должность начальника главнаго штаба, онъ отозвался, что никто изъ нихъ лично ему неизвѣстенъ, а просилъ себѣ генералъ-квартирмейстра дѣйствующей арміи П. Е. Коцебу, зная изъ дѣла своего штаба, какой порядокъ былъ введенъ имъ въ бытность его начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса. И дѣйствительно, съ прибытіемъ въ Тифлисъ Павла Евстафьевича, всеобщая распущенность замѣнилась строгимъ порядкомъ. Въ военномъ вѣдомствѣ лишь до конца года продолжались неурядица и неправильные расходы по продовольствію войскъ, расположенныхъ въ Закавказьѣ. Общая, невѣроятная распущенность по гражданскому управленію развила между жителями хищничество и разбой; многіе покинули хлѣбопашество и хозяйственныя занятія для удалой жизни и легкой наживы. Армяне, въ полномъ смыслѣ слова народъ промышленный, разсѣянные по всему краю, захватили въ свои руки всѣ поставки въ казну. Когда при князѣ Воронцовѣ объявлены были первые торги на поставку провіанта для войскъ, Армяне, забравъ весь хлѣбъ края, объявили непомятныя цѣны. Тогда князь Воронцовъ выписалъ изъ Одессы нѣкоего негодянта Грека Ризо, оказавшаго во время Турецкой войны 1828 года содѣйствіе при заготовленіи и доставкѣ провіанта нашимъ войскамъ, находившимся подъ Варною. На этого Грека возложено было заготовленіе годовой пропорціи провіанта для войскъ Закавказскаго края. Стачка ли Армянъ или какія другія причины противодействовали этой операціи, но Ризо, представивъ пышное донесеніе, далеко не оправдавшееся въ послѣдствіи, ухалъ по своимъ дѣламъ въ Одессу.

Первое улучшеніе въ управленіи гражданской частью началось съ выѣзда изъ края генерала Ладинскаго. Въ назначеніи ему преемника князя В. О. Бебутова, князь Воронцовъ доказалъ, на сколько глубокомысленны были его распоряженія. При Грузинскихъ царяхъ должность Тифлискаго полицеймейстера была наслѣдственною въ семействѣ князей Бебутовыхъ; поэтому назначеніе князя Василія Осиповича льстило съ одной стороны непомѣрному природному самолюбію Армянь, съ другой стороны не возбуждало негодованія Грузинской аристократіи, видѣвшей въ этомъ возвращеніе къ правиламъ управления ея царей. Обстоятельство это было тѣмъ своевременнѣе, что раздраженная и оскорбленная угнетеніемъ и грубостями предшествовавшаго управленія аристократія эта стала мечтать о самостоятельности подъ управленіемъ своего отдѣльнаго царя, о чемъ тѣ изъ Грузинъ, которые были поумнѣе, стали сильно поговаривать въ своихъ кружкахъ. Между тѣмъ Армяне, какъ народъ преимущественно промышленный, покрыли всю Грузію сѣтью своихъ духовновъ, стоявшихъ не только въ каждой Грузинской и Татарской деревнѣ, но даже по пустырямъ дорогъ. Духанъ—это открытая лавка со всякими крѣпкими напитками, яствами и фуражемъ, въ которой останавливаются для закуски, корма лошадей и ночлега, всѣ отъ простолюдина до знатнѣйшаго туземнаго князя, и ведется общая круговая болтовня, безъ разбора сословій и общественнаго положенія. Одна изъ отличительныхъ чертъ Армянскаго характера есть неразрывная дружба и довѣренность между своими единоплеменниками, поэтому Армяне и передаютъ другъ другу все, что дѣлается и замышляется между Грузинами и друзьями ихъ Татарами по всѣмъ захолустнымъ края. Такимъ образомъ чрезъ начальника гражданскаго управленія само собою учредился самый вѣрный надзоръ надъ всею страной. Самъ князь Бебутовъ былъ человѣкъ рѣдкаго ума, ловкій, мягкій и совершенно преданный правительству, какъ всѣ его единовѣрцы Армяне; кромѣ того, онъ былъ самый образованный изъ всѣхъ туземцевъ и опытный правитель.

Чтобы еще болѣе ублажить Грузинскую аристократію, князь Воронцовъ исходатайствовалъ назначеніе начальникомъ Тифлисской губерніи (составлявшей собственно Грузію) сына любимой дочери послѣднаго Грузинскаго царя, генераль-маіора князя Ивана Малхазовича Андроникова, человѣка хотя безъ образованія, но честнаго, прямаго, добродушнаго и неустрашимой храбрости. Какъ губернаторъ, князь Андрониковъ былъ въ полномъ смыслѣ благонамѣренный и добросовѣстный исполнитель. По письменной части обращено было особое вниманіе на составъ Губернскаго Правленія. Видно было, что князь Воронцовъ, замѣтя отчужденіе въ то время Грузинской аристократіи отъ Русскихъ, поставилъ себѣ задачей первоначально привязать ее лично къ себѣ, съ цѣлью отвлечь ее отъ нелѣпыхъ мечтаній о самостоятельной державѣ и мало по малу, чрезъ образованіе и развитіе общественной жизни, навести на разумный путь. Князь Воронцовъ стремился возбуждать соревнованіе между служащими; для этого онъ избралъ двоихъ, которыхъ осыпалъ наградами, оказывалъ

имъ вниманіе и ласки, казавшіяся даже пристрастіемъ. Одинъ былъ князь О., молодой человѣкъ высокаго роста, мужественный и предобрый малый; человѣкъ безъ всякихъ убѣжденій, онъ былъ отголоскомъ кружка, въ которомъ провелъ вчерашній день; въ дѣтствѣ онъ ходилъ въ Тифлисскую гимназію, гдѣ ничему не научился; ума былъ очень обыкновеннаго, откровенный, безъ малѣйшей хитрости. Онъ былъ удивительно храбръ; находясь въ плѣну у Шамиля, гдѣ онъ много натерпѣлся, онъ и теперь былъ подъ обаяніемъ этого плѣна. Другая личность принадлежала къ гражданскому вѣдомству. Это какой-то уѣздной начальникъ (то, что въ Россіи исправникъ); по своимъ глупымъ претензіямъ онъ былъ настоящий шутъ, но человѣкъ самаго строгаго безкорыстія, бичъ взяточниковъ, пунктуальный и неустойчивый исполнитель по службѣ.

Уже на третій годъ управленія князя Воронцова страна значительно успокоилась въ военномъ отношеніи: на дорогахъ и внутри края возстановилась безопасность, разбои и грабежи прекратились, хлѣбопашество усилилось до того, что поставки провіанта для войскъ производились мѣстными средствами по очень умѣреннымъ цѣнамъ; винодѣліе, садоводство, огородничество, шелководство, акклиматизація колоніальныхъ растений, все значительно улучшилось. На горное производство также было обращено вниманіе: вновь былъ устроенъ Алагирскій серебро-свинцовый плавильный заводъ. Казенныя статьи, отдаваемые въ оброчное содержаніе, значительно вызвысились; непроѣздыя пути обратились въ хорошія дороги; рѣки, на которыя никто не обращалъ вниманія, сдѣлались судоходными; переходъ мѣстныхъ христіанъ въ магометанство прекратился; цѣлыя селенія раскольниковъ и племя Ингильгойцевъ обратились въ православіе.

На Кавказской линіи князь Воронцовъ предоставилъ управленіе всецѣло мѣстному начальнику, генералъ лейтенанту Черноморскаго казачьяго войска Завадовскому. Онъ происходилъ отъ Запорожцевъ; отецъ его арендовалъ войсковые рыбныя заводы. Завадовскій былъ точный исполнитель предначертаній князя Воронцова, который только въ экстренныхъ, особенныхъ случаяхъ дѣлалъ свои непосредственныя распоряженія по Ставропольской губерніи, и то преимущественно въ сторонѣ Терека.

Гораздо позже, когда графъ Сологубъ писалъ біографію Котляревскаго, оказалось, что закаленная, энергическая душа князя Михаила Семеновича Воронцова на мгновеніе ослабѣла: въ числѣ писемъ Котляревскаго, переданныхъ княземъ Михайломъ Семеновичемъ графу Сологубу, было одно, въ которомъ Котляревскій строго осуждалъ князя за намѣреніе отказаться отъ начальства на Кавказѣ по нестерпимому положенію, въ которое онъ поставленъ.

Хотя ходъ дѣлъ и всѣ отрасли правленія видимо улучшились, но порицательное направленіе, данное обществу Ладинскимъ, не только не прекращалось, но еще росло: всюду за табльдотами въ клубѣ слышались осужденія мѣстному управленію. Одни толковали по неблагонамѣренности, другіе какъ попугаи; даже люди самые пре-

данные князю и тѣ, по Русскому нетерпѣнію, находили, что все недостаточно скоро и спѣшно исправляется и передѣлывается; въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ и я. Всему этому зойствству надо было положить конецъ; но какъ? Насиліемъ — немислимо при ненависти намѣстника къ такимъ мѣрамъ. Князь Воронцовъ и тутъ показалъ свою опытность: чтобы положить конецъ всему этому соблазну, князь Воронцовъ выписалъ въ Тифлисъ Итальянскую оперу. Заманка новизны привлекла въ театръ весь городъ, и послѣ перваго же представленія, за ужиномъ въ клубъ и въ гостинницахъ, никто не промолвилъ ни слова объ управленіи: всѣ судили и рядили объ оперѣ и пѣвцахъ и повторяли слышанныя аріи; затѣмъ составились партіи за разныхъ артистокъ, и въ публикѣ уже рѣшительно никто не сталъ заниматься управленіемъ края.

Князь Михаилъ Семеновичъ обратилъ особенное вниманіе на доставленіе жителямъ средствъ для образованія дѣтей, и тутъ выказалась вся практичность и обдуманность этого государственнаго мужа. Не университетъ нуженъ былъ для края, въ которомъ не легко было учить дѣтей даже грамотѣ; поэтому завели начальныя школы во всѣхъ военныхъ частяхъ, и въ эти школы принимались дѣти всѣхъ сословій; въ самомъ Тифлисѣ открыты были частныя пансіоны. Кроме того устроено было нѣсколько женскихъ заведеній.

При многотрудныхъ и сложныхъ заботахъ, сопряженныхъ съ званіемъ главнокомандующаго и намѣстника, князь Михаилъ Семеновичъ находилъ время заниматься и искусствомъ: при немъ разискивались и принимались мѣры къ сохраненію древнѣйшихъ памятниковъ зодчества; открывали и описывали фрески; воздвигнутъ изящный Тифлисскій театръ, рисунки котораго появились во всѣхъ Европейскихъ иллюстраціяхъ; перестроенъ Тифлисскій Софійскій соборъ, по своимъ фрескамъ, живописи и украшеніямъ причисляемый нынѣ къ лучшимъ произведеніямъ зодчества во всемъ свѣтѣ. Всѣ виды искусства постоянно занимали князя Воронцова; доказательствомъ тому служить то, что, когда онъ возложилъ на меня передачу въ казну недвижимыхъ имѣній Грузинской церкви, то приказалъ предварительно привести ихъ въ извѣстность, равно и получаемые съ нихъ доходы, а также принять отъ Синодальной Тифлиской Конторы документы на эти имѣнія, подъ названіемъ гуджары, и составить проектъ пріема сихъ имѣній. При этомъ онъ приказалъ мнѣ показывать ему все, что встрѣтится любопытнаго въ этихъ гуджарахъ. Попадались гуджары, въ заглавіи которыхъ находились рисунки Персидскаго пошиба. Князь Воронцовъ заплатилъ порядочныя деньги живописцу, который списалъ эти рисунки для его портфеля.

Въ финансовыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ Закавказья князь Воронцовъ оставилъ весьма важныя памятники: 1) Приказъ Общественнаго Призрѣнія, учрежденный въ Тифлисѣ по правиламъ строго призмѣненнымъ къ особенностямъ и нуждамъ мѣстнаго населенія. 2) Учрежденіе въ Тифлисѣ конторы для денежныхъ переводовъ съ Персіею и внутренними областями Россіи. Князь Михаилъ Семеновичъ былъ пораженъ обильнымъ вывозомъ изъ края звонкой монеты и озабо-

тился пригласить изъ Одессы одного негоціанта для устройства въ Тифлисъ конторы денежных переводовъ. Мѣра эта принесла быстрый плодъ, и торговля приняла цвѣтущее направленіе, небывалое въ краѣ. Само собою разумѣется, что всѣмъ этимъ улучшеніямъ способствовала неусыпная, горячая дѣятельность и постоянный надзоръ за всѣми отраслями управленія въ пространной странѣ, которую князь Воронцовъ лично обозрѣвалъ и безпрестанно разсылалъ по ней довѣренныхъ лицъ.

Завѣтной мыслью его было созданіе частныхъ капиталовъ въ своемъ намѣстничествѣ. Этимъ онъ надѣялся поощрить частную предприимчивость къ разработкѣ мѣстныхъ природныхъ богатствъ, что само собою породило бы множество разнородныхъ доходовъ, привлекло бы значительныя суммы денегъ въ страну и поощрило бы ея населеніе къ труду, отвлекая отъ разбоя, хищничества и всякихъ дикихъ наклонностей, присущихъ грубой натурѣ. Нѣсколько капиталистовъ, въ томъ числѣ Тамамашевъ, два брата Мирзоевы, Атакуни и нѣсколько другихъ, менѣе значительныхъ, поддерживали благую мысль князя Воронцова. Въ результатѣ оказалось значительное сбереженіе казны въ продовольствіи войскъ: содержаніе ихъ было превосходно, особенно въ многочисленныхъ военныхъ госпиталяхъ, не смотря на то, что расходы по нимъ сократились на миллионы рублей. Князь Воронцовъ часто навѣщалъ больныхъ, особенно въ праздники; и, благодаря этому попеченію, число смертныхъ случаевъ во всемъ корпусѣ значительно уменьшилось. Князь Воронцовъ настоялъ на томъ, что въ Закавказьѣ открыто было депо произведеній Московскихъ фабрикъ, что было весьма важно для края въ торговомъ его отношеніи. Московскіе фабриканты составили ассоціацію, наняли въ Тифлисъ большой домъ, гдѣ каждая комната была занята однимъ какимъ-либо произведеніемъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ торговля въ этомъ складѣ шла блистательно; денегъ выручали столько, что два раза въ недѣлю высылались по экстра-почтѣ десятки тысячъ рублей. Но въ послѣдствіи прикащики стали проматывать хозяйскія деньги, да и сами Московскіе фабриканты, не имѣвшіе понятія о силѣ Армянъ, не сумѣли съ ними поладить и продавали свои произведенія, присылаемыя прямо съ фабрикъ, дороже Армянскихъ.

Торговлею этого склада не была достигнута цѣль князя Воронцова. Онъ желалъ имѣть въ Тифлисъ сильную контору, гдѣ бы Московскіе фабриканты скупали мѣстное сырье и переправляли его въ Москву, черезъ что завязалась бы тѣсная торговая связь между сердцемъ Россіи и Грузіею.

Гибель Черноморскаго прибрежнаго форта св. Николая была на Кавказѣ началомъ Восточной войны. Съ этихъ поръ князь Михаилъ Семеновичъ день ото дня становился все задумчивѣе, видимо измѣнялся въ лицѣ и наконецъ слегъ.

Разъ утромъ онъ потребовалъ меня къ себѣ. Дежурный адъютантъ передалъ мнѣ приказаніе тотчасъ войти въ кабинетъ; тамъ я засталъ князя лежащимъ на диванѣ съ раскрытыми глазами и не въ

егерскомъ сюртукѣ, какъ всегда, а въ военной шинели. Полагая, что князь спитъ, я сталъ передъ нимъ; меня поразило его лицо, на которомъ отражалось не болѣзненное состояніе, а выраженіе какой-то глубокой грусти. Въ это время вошелъ кто-то изъ домашнихъ и передалъ маститому старцу о моемъ приходѣ. Князь открылъ глаза, понюхалъ крѣпкой соли и, освѣжаясь, передалъ мнѣ всю неурядицу, всѣ безпорядки и усилія неимовѣрно возвысить цѣны на продовольствіе дѣйствующихъ войскъ, которыя черезъ это могли остаться или совсѣмъ безъ продовольствія, или съ большими затрудненіями въ полученіи онаго. Князь прибавилъ, что самъ онъ чувствуетъ себя слишкомъ слабымъ для занятія этимъ дѣломъ и потому распорядился такъ, чтобы всѣ его приказанія передавались интенданту черезъ меня, также и доклады интенданта князю дѣлались бы мною. При этомъ я получилъ подробныя наставленія, какъ дѣйствовать.

Интендантъ, присланный изъ Петербурга, былъ человекъ образцовой честности, безсребренникъ въ полномъ смыслѣ слова, и по видимому для мирнаго времени совершенно опытный и знающій дѣло, но незнакомый ни съ краемъ, ни съ его средствами и особенностями, къ тому же нрва неимовѣрно строптиваго. Онъ сорилъ деньги на операциі, которыя не удавались, а недостача хлѣба оказывалась всюду такая, что дѣйствующія войска получали суточное продовольствіе, принимая его прямо съ подводъ, подвозившихъ провіантъ.

Бывая почти ежедневно съ докладомъ у главнокомандующаго, я постоянно заставлялъ его въ военной шинели и очень слабымъ; меня поражало не смѣявшееся выраженіе грусти на этомъ прекрасномъ лицѣ. Но не смотря на это, всѣ самые затруднительные вопросы онъ рѣшалъ всегда быстро, мудро и совершенно удовлетворительно.

Много лѣтъ спустя послѣ описываемаго времени, я имѣлъ случай убѣдиться, что у князя Воронцова было въ то время много непріятностей. Узналъ я объ этомъ изъ книги моряка Жандра: «Къ біографіи адмирала Корнилова», гдѣ говорится, что сдѣлано было распоряженіе о подчиненіи части Кавказа и его войскъ ненавистнику князя Воронцова, адмиралу князю Меншикову.

Начало Восточной войны тяжело отозвалось въ Тифлисѣ. Всюду стали прорываться разбойничьи набѣги дикихъ ордъ: Курдовъ со стороны Александрополя, Джарцовъ въ Ахалцхскомъ уѣздѣ, Кобулетовъ въ Гуріи. Непріятель появлялся воровскими шайками даже въ самыхъ Тіулетскихъ горахъ, близко подходя къ самой столицѣ Грузіи; наконецъ, непріятель сильнымъ отрядомъ занялъ покинутую древнюю крѣпость Ацкуръ, стоящую у выхода Боржомскаго ущелья къ Ахалцху, при чемъ всѣ Закавказскіе и часть Кавказскихъ войскъ были сосредоточены подъ Александрополемъ противъ Карса, гдѣ собранъ былъ въ значительномъ числѣ Турецкій низамъ и башибузуки. Малые наши отряды находились въ Ахалцхѣ противъ поголовно собраннаго и вооруженнаго населенія въ смежныхъ Аджарскихъ горахъ; другой небольшой отрядъ стоялъ въ Гуріи противъ значительнаго Турецкаго сборища у Батума; войска эти опустоши-

ли всю страну отъ Кавказскихъ горъ до Турецкой границы и отъ Каспійскаго моря до Чернаго. Населеніе этой страны, весьма многочисленное, мусульманскаго вѣроисповѣданія, выжидало только успѣха Турецкихъ ордъ, чтобы возстать поголовно и страхнуть съ себя Русское владычество.

Пунктъ болѣе другихъ опасный въ то время былъ Ахалцихъ; поэтому туда посланъ былъ Тифлісскій губернаторъ князь Андрониковъ. Спустя нѣсколько дней по его отъѣздѣ, прискакалъ въ полдень его адъютантъ съ цѣлой связкою знаменъ, отбитыхъ у непріятеля. Князь Андрониковъ, вышедъ изъ Ахалциха съ горстью Кавказскихъ солдатъ, не знающихъ никакихъ препятствій, ринулся на многочисленныя непріятельскія орды, разбилъ ихъ на голову и окончательно разсѣялъ. Извѣстіе объ этомъ блистательномъ успѣхѣ, хотя въ сущности и не первой важности относительно хода войны, отчасти оживило и пробудило князя Воронцова отъ его страдальческаго усыпленія.

Продовольствіе войскъ сдѣлалось всюду правильно и вполне удовлетворительно, кромѣ Гуріи, гдѣ всѣ усилія на этотъ счетъ оказывались тщетными; поэтому, однажды утромъ, при моемъ докладѣ, князь Воронцовъ приказалъ мнѣ самому ѣхать въ Гурію, далъ мнѣ самыя подробныя наставленія и широкія полномочія дѣйствовать его именемъ. Проси меня поспѣшить отъѣздомъ, онъ спросилъ, когда я полагаю выѣхать? Я доложилъ, что надѣюсь въ продолженіи дня успѣть собрать всѣ нужныя свѣдѣнія по дѣламъ интендантства и въ ночь выѣхать изъ Тифлиса.

Вечеромъ, часовъ въ 9, лошади были готовы, и я уже оканчивалъ свои занятія, какъ меня потребовалъ къ себѣ главнокомандующій. Я поѣхалъ къ нему на дорожныхъ лошадяхъ и засталъ князя въ кабинетѣ уже не лежащимъ, какъ утромъ, въ военной шинели, а сидящимъ въ своемъ егерскомъ сюртукѣ; его оживленное лицо напомнило мнѣ прежнія времена. Выказавъ удовольствіе, что я еще не уѣхалъ, князь Михаилъ Семеновичъ посмотрѣвъ въ полученное донесеніе и продиктовалъ мнѣ слѣдующее: «19-го сего Ноября Турки, подъ Башкадыкларомъ, въ числѣ 35 тысячъ регулярнаго войска и 15 тысячъ Куртинцовъ, были атакованы нашими неустрашимыми Кавказскими молодцами въ числѣ девяти тысячъ всѣхъ родовъ войскъ. Турки были опрокинуты и въ полномъ смыслѣ разсѣяны нашими молодцами; кромѣ множества оружія, знаменъ и проч. отбито 24 пушки». Окончивъ это, князь приказалъ мнѣ вездѣ по дорогѣ, гдѣ будутъ встрѣчаться войска, передавать это извѣстіе старшимъ лицамъ съ приказомъ отъ главнокомандующаго объявлять объ этой побѣдѣ войскамъ и служить благодарственные молебны; въ городѣ Гори я должнъ былъ заказать въ соборѣ благодарственное молебствіе при звонѣ всѣхъ колоколовъ, а въ Гуріи, начальнику отряда, князю Гагарину, передать продиктованное мнѣ свѣдѣніе для объявленія всему собранному отряду и отслужить съ наибольшимъ торжествомъ благодарственное молебствіе при пушечной пальбѣ. Турки, собранные подъ Батумомъ, должны были понять, что въ нашемъ отрядѣ празд-

нуется какая нибудь побѣда. Если я не ошибаюсь, въ торжественномъ выраженіи лица князя Воронцова можно было прочесть мысль: «не такова была часть этихъ Башкадыкларскихъ войскъ, съ которыми восемь лѣтъ тому назадъ и совершалъ Даргинскій походъ».

Успѣхи нашихъ войскъ подъ Ахалцихомъ, Башкадыкларомъ и позднѣе подъ Балзетомъ имѣли окончательное вліяніе на ходъ войны въ Азіатской Турціи; съ одной стороны они естественно ободрили Кавказскія войска, доказавъ на дѣлѣ, какіе великіе подвиги имъ под силу; съ другой—внушивъ панпическій страхъ и уныніе Турецкимъ ордамъ, они доказали, съ какими непобѣдимыми героями предстояла борьба Туркамъ. Наконецъ, эти славные бои заставили все Татарское населеніе нашихъ предѣловъ отказаться отъ надеждъ пробужденныхъ въ нихъ въ то время, когда оно увидало, какія многочисленныя силы ихъ единовѣрцевъ собраны на нашихъ границахъ.

Вся слава Русской кампаніи въ Азіатской Турціи, по строгой справедливости, всецѣло принадлежитъ князю Воронцову. Онъ одушевилъ Кавказскія войска своимъ примѣромъ и заботою; онъ возвратилъ имъ прежнее безпримѣрное геройство. Это несравненное войско начало войну подъ начальствомъ лицъ, избранныхъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ и съ первыхъ боевъ привело Турокъ въ какое-то безнадежное уныніе. Это же самое Кавказское войско блистательно окончило войну.

Два раза въ недѣлю у князя Воронцова бывалъ пріемъ просителей; начальники всѣхъ частей должны были находиться при этихъ пріемахъ, такъ какъ тутъ же и рѣшались по возможности всѣ просьбы. Въ одинъ изъ такихъ дней князю Воронцову, послѣ пріема, нужно было ѣхать въ ближайшую полковую штабъ-квартиру. Прежде чѣмъ выйти въ пріемную, онъ позвалъ меня къ себѣ и вручилъ бумагу, сказавъ, что это прошеніе князя Ѳадѣя Гуримова, жалующагося на то, что недавно умершій его братъ Гива, похороненный въ одной древней церкви своего прихода, подвергся осмѣянію отъ людей Мирзоева. Два брата Мирзоевыхъ, богачи, были владѣльцами части села князей Гуримовыхъ и заклятые ихъ враги. Люди этихъ Мирзоевыхъ хвастались, что если имъ и не удалось разсчитаться со врагомъ ихъ помѣщика при жизни, то они насмѣялись надъ нимъ надъ мертвымъ. Князь Воронцовъ приказалъ мнѣ произвести настроявшее слѣдствіе; войдя потомъ въ пріемную, князь передалъ Тифлисскому губернатору, полицеймейстеру и коменданту данное мнѣ порученіе и приказалъ имъ оказывать нужное мнѣ содѣйствіе.

Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, я отправился къ высокопреосвященному экзарху Грузіи, не зная, какъ приступить къ раскрытію могилы, находящейся въ самой церкви. Отъ него я узналъ, что по дорогѣ изъ Россіи къ Тифлису, на послѣднемъ перегонѣ, подѣзжая къ древней столицѣ Грузіи—Михету, на лѣвомъ берегу Арагвы, на послѣдней, самой высокой горѣ къ югу, виднѣется каменная ограда, окруженная вѣковымъ лѣсомъ; по срединѣ этой ограды замѣчается куполь строенія. Это давно покинутый монастырь, основанный однимъ изъ Сарскихъ братьевъ, внесшихъ со свитою иконою христіан-

ство въ тѣ страны и просвѣтившихъ Грузію. Подъ куполомъ находится церковь, въ которой, рядомъ съ алтаремъ, похороненъ основатель храма. Самая церковь построена, какъ всѣ древніе храмы Закавказья, подъ крестообразно-расположенными сводами, опирающимися на четыре столба; изъ ближайшаго къ могилѣ столба течетъ вода, наполняющая устроенный тутъ колодезь; къ извѣстному мѣстному празднику сюда стекается множество богомольцевъ. Покойный князь Гива Гуримовъ возобновилъ церковь, поэтому и разрѣшено было похоронить его въ самомъ храмѣ. Ключъ отъ церкви находится у приходскаго священника, отъ котораго, по отзыву преосвященнаго, я могъ его потребовать и мнѣ не встрѣтится препятствія разрыть могилу, такъ какъ духовенство, исполнивши обрядъ погребенія, не имѣетъ болѣе никакого дѣла до трупа. Ко всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ преосвященный прибавилъ мнѣ еще въ видѣ совѣта, для успокоенія родственниковъ покойнаго и ради общаго благочестія Грузинъ, пригласить съ собою приходскаго священника для подобающаго богослуженія.

На другой день, до восхода солнца, я поѣхалъ верстъ за 10 отъ Тифлиса, въ деревню князей Гуримовыхъ, взявъ предварительно съ собою земскую полицію и нужное число казаковъ съ поста. Въ этой деревнѣ мнѣ дали верховую лошадь, такъ какъ иначе проѣхать было невозможно. Грузинъ, сопровождавшій меня, перепуганный всею этою обстановкой, прижалъ неловко правое острое Грузинское стрема къ боку лошади; она взвилась на дыбы и, опрокинувшись, сильно зашибла мнѣ ногу. Некогда было обращать вниманіе на боль, и я поѣхалъ по горной тропинкѣ къ древнему монастырю. Замокъ у церковныхъ дверей былъ сломанъ, и при входѣ въ храмъ оказались явные признаки недавняго нарушенія могилы. Когда ее вскрыли, Гива лежалъ лицомъ внизъ; платья, въ которомъ его похоронили, уже не было, а на бѣлѣ виднѣлось множество грязныхъ пятенъ отъ нагакъ, которыми били трупъ; кромѣ того весь гробъ и преимущественно голова покойника были покрыты вонючими нечистотами. Исполнивъ всѣ формальности осмотра и вернувшись въ деревню, я приступилъ къ снятію показаній съ духанщика и свидѣтелей, на которыхъ были ссылки въ прошеніи и по одиночкѣ, чрезъ полицію, арестовывая обвиняемыхъ, отправлялъ ихъ подъ конвоемъ двухъ казаковъ въ Тифлисъ къ полицеймейстеру или къ коменданту для заключенія въ разныя мѣста; послѣдняго изъ обвиняемыхъ я велѣлъ отвести на мою квартиру, послѣ чего и самъ возвратился въ Тифлисъ.

Когда привели ко мнѣ послѣдняго арестанта, то казакъ, бывшій при немъ, передалъ мнѣ, что съ трудомъ могъ отогнать какого-то Армянина, силившагося заговорить съ арестованнымъ и издали слѣдившаго, куда поведутъ его.

Вообще, при началѣ всякаго слѣдствія дѣйствуешь очень робко, пока не дойдешь до нити, до признаковъ, по которымъ можно составить убѣжденіе въ виновности замѣшанныхъ въ дѣлѣ лицъ; это естественно происходитъ отъ опасенія запутать невиннаго. Поэтому я рѣшился воспользоваться переданнымъ мнѣ для личнаго моего убѣж-

денія, что все найденное мною въ могилѣ Гивы Гуримова есть дѣйствительно дѣло людей Мирзоева. Съ этой цѣлью я посадилъ приведеннаго ко мнѣ арестанта на ближайшую гауптвахту, сказавъ унтеръ-офицеру, что если ночью къ окошку арестантской подойдетъ кто либо, то не препятствовать ему разговаривать съ арестантомъ и, призвавъ расторопнаго переводчика, приказалъ ему спрятаться близъ гауптвахты и когда кто подойдетъ и станетъ говорить съ арестованнымъ, примѣтить этого человѣка и вслушаться въ разговоръ. Ночью переводчикъ разбудилъ меня извѣстіемъ, что приходилъ Мирзоевъ, и со словъ переводчика я записалъ ихъ разговоръ.

На утро, призвавъ къ себѣ арестанта, я сталъ снимать съ него показаніе; онъ говорилъ тоже самое, что ночью передалъ мнѣ переводчикъ. Въ то время какъ я занимался этимъ слѣдствіемъ, чиновникъ пригласилъ меня въ канцелярію намѣстника, къ директору М. П. Щербинину; въ кабинетѣ у него я засталъ вице-директора Круженштерна и штабъ-лѣкаря. Этотъ послѣдній нагло и дерзко накинулся на меня за то, что я арестовалъ людей Мирзоева въ угожденіе глупымъ Грузинскимъ князьямъ. Я терпѣливо выслушалъ наглаго штабъ-лѣкаря и когда онъ замолчалъ, я обратился къ директору и заявилъ ему, что такъ какъ говорившій, по видимому, хорошо знаетъ порученное мнѣ дѣло и въ тоже время пользуется довѣріемъ намѣстника, то я сейчасъ же выпущу всѣхъ арестованныхъ мною людей. М. П. Щербининъ началъ настоятельно уговаривать меня не дѣлать этого до пріѣзда князя, который, хотя поздно, по неслучайно въ этотъ вечеръ долженъ былъ возвратиться въ Тифлисъ.

На утро я отправился къ намѣстнику и засталъ кабинетъ еще запертымъ; въ дежурной комнатѣ были: директоръ канцеляріи, нѣсколько другихъ лицъ и штабъ-лѣкарь, видимо въ возбужденномъ состояніи.

Когда отворили кабинетъ, вошли М. П. Щербининъ и я, сильно хромя. Доложивъ намѣстнику что я нашелъ въ могилѣ Гуримова и сдѣланныя мною распоряженія, я просилъ назначить кого либо, чтобы передать ему слѣдствіе, котораго не могъ и продолжать по причинѣ моего ушиба. Князь понималъ, что въ отказѣ моемъ кроется другая причина и настаивалъ, чтобы я ему сказалъ ее. Я долженъ былъ сознаться, что вовсе не сожалѣю объ ушибѣ, избавляющемъ меня отъ дѣла, которымъ вызываются неблаговидные происки. Едва я кончилъ, какъ вошелъ штабъ-лѣкарь и началъ (я живо помню его слова): «Позвольте, ваша свѣтлость, доложить вамъ по дѣлу господина Мирзоева, которое моя теща, княгиня Т...» На этихъ словахъ князь прервалъ его, строго запретивъ вмѣшиваться не въ свои дѣла и далъ ему понять, что всюду доктора съ радостью согласятся быть его домашними врачами. Потомъ князь приказалъ мнѣ послать за губернскимъ жандарскимъ штабъ-офицеромъ. Только что я вышелъ изъ кабинета, какъ штабъ-лѣкарь, видимо встревоженный, догналъ меня и спросилъ: зачѣмъ понадобился жандармъ? и услышавъ отъ меня, что вѣроятно для производства Мирзоевскаго слѣдствія, отъ котораго я отказался, просилъ и съ восторгомъ сталъ доказывать, какъ я прекрасно сдѣлалъ, догадавшись отстранить себя отъ этого дѣла.

Никто, разумѣется, ничего не узналъ о происходившемъ въ кабинетѣ намѣстника; но Мирзоевъ всюду разглашалъ, что онъ обратился къ шт.-лѣкарю съ просьбою устранить меня отъ этого дѣла; самъ же штабъ-лѣкаръ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и всегда, изъ личныхъ видовъ не только не опровергалъ, но еще подтверждалъ молву о своемъ всесильномъ вліяніи на намѣстника.

Насталъ день выѣзда князя Михаила Семеновича съ Кавказа подъ предлогомъ болѣзни.

Этотъ отъѣздъ былъ очень загадоченъ.

Князь Воронцовъ, еще въ первую Турецкую войну текущаго столѣтія, изумлялъ своихъ сослуживцевъ тѣмъ, что, не смотря на сильнѣйшую Молдавскую лихорадку, не покидалъ порученной его начальству аванпостной службы: до такой степени его закаленная душа преобладала надъ тѣломъ. При князѣ Циціановѣ, въ Грузіи, въ Закаталахъ, онъ, подъ начальствомъ генерала Гулякова, служилъ примѣромъ неустрашимости. Далѣе, въ Отечественную войну, его имя внесено въ описаніе важнѣйшихъ сраженій, и наконецъ онъ самостоятельно съ своимъ корпусомъ, подъ Краономъ, сражался съ самимъ Наполеономъ. Здѣсь на Кавказѣ еще недавно столь успѣшно вывелъ онъ край изъ опаснѣйшаго кризиса и своими мудрыми военными распоряженіями совершенно подготовилъ успѣхъ войны въ Азіатской Турціи. Теперь же, когда война была въ самомъ разгарѣ, князь удалялся съ ея театра и оставлялъ всякую служебную дѣятельность.

Передавать потомству описаніе подвиговъ великихъ государственныхъ мужей, посвятившихъ всю свою жизнь многоплодному служенію Отечеству—есть патріотическій долгъ. Несомнѣнно принесло бы великую пользу, если бы не скрывалось и зло, причиняемое иногда личностями съ богатыми дарованіями и высокимъ положеніемъ; но на это встрѣчаются препятствія. Такъ, напримѣръ, въ царствованіе Александра Павловича, Сила Андреевичъ Аракчеевъ, если бы могъ предвидѣть, что его дѣянія когда либо разберутся, какъ это совершилось печатно въ послѣднихъ годахъ, то вѣроятно воздержался бы отъ лютаго варварства и обдуманнаго злодѣйства.

Правдивость этой статьи доказывается отсутствіемъ во мнѣ всякаго повода особой привязанности къ кн. Михаилу Семеновичу Воронцову, не оказавшему мнѣ рѣшительно никакихъ особыхъ милостей, когда я состоялъ при немъ (точно также какъ и при одномъ изъ его предшественниковъ), и хотя отъ самого князя я положительно никогда не встрѣчалъ ничего кромѣ благосклоннаго обращенія при наилестнѣйшей довѣренности; но по слагавшимся обстоятельствамъ, весьма непріятнымъ, неоднократно я пытался оставить край и самую службу, что въ послѣдствіи и сдѣлалъ.

Владиміръ Толстой.

Декабрь 1876 года.
Село Бараново.